

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Проблемы изучения балтизмов в русском языке

Статья посвящена проблемам стратификации и анализа балтийских заимствований в русском языке, главным образом на примере ранних балтизмов. Субстратное балтийское происхождение таких явлений, как аканье, полногласие, длительное сохранение и последовательное сохранение редуцированных, остается недоказанным. Близость славянских и балтийских языков затрудняет выявление балтийского субстрата в восточных славянских диалектах на уровне лексики. Древнейшие пласты балтийских элементов в лексике славянских языков поддаются выделению с большим трудом из-за отсутствия формальных критериев отличия этих балтизмов от генетических параллелей. Теоретически многие русские (восточнославянские) слова, трактуемые как диалектизмы праславянского, могут быть определены и как древние балтизмы. Проблемы их исследования иллюстрируются в статье на примерах русских слов, относящихся как к литературному языку, так и к диалектной, а также к древне- и старорусской лексике.

Ключевые слова: русский язык, балтийские языки, заимствования, стратификация.

Балтизмы, т. е. слова, заимствованные из живых и / или вымерших балтийских языков (литовского, латышского и др.¹), представлены во всех разрядах русской лексики (апеллятивы, этнонимы, антропонимы, гидронимы, топонимы) и составляют ее балтийский пласт. Подобный пласт имеется также в белорусском (здесь он наиболее значителен), украинском и польском. Автор обращался к балтизмам в русском (великорусском) языке в специальной монографии, содержащей словарь лексических или апеллятивных балтизмов русского языка [Аникин, 2005]².

---

¹ В статье используются следующие сокращения в названиях языков и диалектов: арготич. – арготический; балт. – балтийский; блр. – белорусский; вост.-слав. – восточнославянский; др.-рус. – древнерусский; диал. – диалектный; и.-е. – индоевропейский; лит. – литовский; лтг. – латгальский; лтш. – латышский; праслав. – праславянский; п.-фин. – прибалтийско-финский; сев. – северный; слав. – славянский; с.-хорв. – сербохорватский; фин. – финский; эвен. – эвенский; юкаг. – юкагирский; якут. – якутский.

² В данной монографии можно найти более подробные сведения о географии и вариантах слов, рассматриваемых в настоящей статье, документацию материала, а также дополнительные библиографические сведения.

Аникин Александр Евгеньевич – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alexandr_anikin@mail.ru)

Настоящая статья развивает и дополняет некоторые соображения теоретического характера, изложенные в указанной книге (см. также: [Anikin, 2011]).

В современном русском литературном языке бесспорные лексические балтизмы единичны [Кипарский, 1973] и легко могут быть перечислены: *ковш*, *кувшин*, *пакля*, *скирд(а)*, *янтарь*. Подавляющее большинство балтизмов русского языка принадлежит диалектной, устарелой и / или древне-(старо-)русской лексике. Таким образом, в поисках балтизмов приходится обращаться к словарям и иным источникам по лексике русских диалектов (включая островные – в основном старообрядческие – говоры в Прибалтике, Белоруссии и Польше), к словарям различных арго (условных языков), а также к словарям, содержащим данные по памятникам письменности древне- и старорусского периодов (соответственно XI–XIV, XV–XVII и XVIII вв.). К проблематике русских балтизмов в узком смысле слова не относятся многочисленные балтизмы восточнославянского языка канцелярии Великого Княжества Литовского, т. е. трансформировавшегося на белорусской и украинской почве языка, продолжавшего традицию древнерусского делового языка. Этот славянский язык называли и называют по-разному: *русь(с)ка мова* или *проста мова*, старобелорусский, западнорусский, литовско-русский.

Наличие балтизмов в русском и других славянских языках является следствием интенсивных контактов между славянами и балтами, начавшихся более чем 1,5 тыс. лет назад и продолжающихся до сих пор. Территория, занимаемая двумя современными балтийскими языками, окружена славянским ареалом с запада, юга и востока, причем славянский ареал несравненно шире балтийского. Однако в древности, в эпоху, предшествовавшую балканской и другим миграциям славян, т. е. до середины I тысячелетия н. э., когда носители праславянского языка (языка-предка славянских языков), согласно наиболее распространенному мнению, занимали «довольно узкую полосу между верховьями Вислы и Средним Днепром», территория Славии была в несколько раз меньше территории Балтии [Топоров, 1988, с. 275]. Радикальные изменения этого соотношения стали происходить около V–VI вв. н. э. в лесной зоне Восточной Европы, когда началась экспансия славян и славянизация аборигенного балтийского и финно-угорского населения, а также процессы межъязыковой и междиалектной интерференции, в определенных исторических условиях приведшие к формированию древнерусского и позднее (с XIV в.) (велико)русского, белорусского и украинского языков.

Топонимические и археологические данные позволяют полагать, что балтийская речь, перемежаясь на севере и востоке балтийского ареала с финно-угорской (а на юге и с иранской), до прихода славян звучала, помимо Прибалтики, на территории, включавшей юг и юго-запад современных Псковской и Новгородской областей до Твери, Смоленщину и Брянщину, Белоруссию, Северную Украину, Волго-Окское междуречье и прилегающие к бассейну Оки земли, Подесенье и Посеймье, а на западе доходившей, возможно, до средней и нижней Вислы. Этот ареал постоянно корректируется. Неоспоримым считается ядро балтийской гидронимии, включающее бассейны Немана, Березины, Сожа, Волго-Окское междуречье, бассейны верхнего Днепра, Десна, Нарева и левобережье Припяти [Дини, 2002]. В последнее время необходимость полного пересмотра северо-восточной границы балтийского гидронимического слоя весьма убедительно доказывает В. Л. Васильев [2008, с. 78, 84] (ранее см.: [Агеева, 1989]), опубликовавший фундаментальное исследование топонимических древностей Новгородской земли, включающее обширную балтийскую (балто-славянскую) компоненту [Васильев, 2012]. Оно представляет собой синтез предшествующих работ Васильева и других ученых по новгородской и смежной топонимике. Следует отметить, что В. Л. Васильев в указанных и других работах (например, [Васильев, 2011, с. 10] о рус. диал. *бурга́* ‘яма в реке’) сделал вклад и в изучение лексических балтизмов русского языка.

Распространено мнение, что исчезнувший со временем на указанных территориях балтийский элемент не только оставил обширный слой гидро- и топонимии, но также в той или иной степени predetermined строю славянских диалектов, носители которых ассимилировали балтов. Предпринимались попытки объяснить за счет действия балтийского субстрата такие явления, как аканье, полногласие, длительное сохранение и последовательное сохранение редуцированных. Однако субстратное балтийское происхождение этих явлений все-таки остается недоказанным (правдоподобную гипотезу генезиса аканья, не связанную с поисками его балтийских истоков, см. [Князев, 2000]). Отсутствие достаточных оснований для утверждения о существовании балтийского нетопонимического субстрата продемонстрировала на материале русского Северо-Запада Р. А. Агеева [1989]. Исключительная близость славянских и балтийских языков затрудняет выявление балтийского субстрата в восточных славянских диалектах и на уровне лексики, хотя именно с его действием некоторые исследователи связывают значительное количество лексических балто-восточнославянских совпадений, в том числе восточнославянских балтизмов.

Балтизмы русского языка могут быть стратифицированы по их принадлежности к следующим периодам:

А) праславянский (не позднее VI в. н. э.);

Б) славянизация восточными славянами балтов (VI в. – начало II тысячелетия н. э.);

В) эпоха Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.);

Г) пребывание большей части литовцев и латышей в составе Российской империи и СССР (XVIII–XX вв.).

Древнейшие пласты балтизмов в славянских языках, т. е. (А) и (Б), поддаются выделению с наибольшим трудом из-за отсутствия формальных критериев отличия этих балтизмов от генетических параллелей. Эта трудность касается не только лексических, но и (вероятно, в еще большей степени) гидронимических балтизмов [Васильев, 2008, с. 83]. В этой связи указано, что в славянских языках приходится считаться с категорией «невидимых» балтизмов [Топоров, 1995, с. 50].

Для иллюстрации можно обратиться к слову *Lumvá*, которое является названием страны и (первоначально) восточнобалтийского этноса. В древнерусских текстах это слово фигурирует с XI в. Оно заимствовано из лит. **Lētuvā < *Leituvā* (совр. *Lietuvà*) предположительно гидронимического происхождения: сближается с гидронимами типа *Lietáuka* на территории Литвы; в основе предполагают и.-е. **lei-* ‘лить’.

В древнерусском ожидалось бы *Лумъва*, но *ъ* в ранних источниках отсутствует, засвидетельствовано только *-tva* [Зализняк, 2004, с. 244]. Это явление может быть объяснено ранней потерей *ъ* или проявлением особенностей графики или – что наиболее вероятно – влиянием рефлексов праслав. **litva* ‘ливень’ с суффиксом *-tva*. Засвидетельствованными рефлексам этого слова являются рус. диал. (к югу от Москвы) *lumvá* ‘сильный дождь, ненастье’, с.-хорв. *lītva* ‘ливень’. Согласно ЭССЯ [вып. 15, с. 159], праслав. **litva* ‘ливень’ является генетическим соответствием лит. *Lietuvà*, что имплицитно тезис о наличии в русском языке двух параллелей этого слова: генетической (*lumvá* ‘дождь’) и заимствования (*Lumvá*). Формальных различий между ними нет.

В отношении этого примера надо заметить, что **litva* ‘ливень’ следует сравнить также с балтийским названием дождя (лит. *lietūs, lýtva*, лтш. *lietūs*), которое, несомненно, содержит упомянутый корень **lei-* ‘лить’. Несмотря на родство названий дождя и слова *Lietuvà*, их непосредственное соотнесение является народно-этимологическим, как можно видеть по стиху Э. Межелайтиса *Čia Lietuvà. Čia*

lietūs lyja «Здесь Литва. Здесь льют дожди» (пример из книги [Sabaliauskas, 2002])³.

Ввиду с.-хорв. *litva*, т. е. южнославянского соответствия, рус. *литва́* ‘дождь’ затруднительно рассматривать как балтизм периода (В), хотя и есть определенная вероятность, что русское слово – «невидимый» балтийский субстратный элемент. Возможность балтийского происхождения вероятнее в случаях с рус. арготич. *литва* ‘свеча’ < ? балт. **lētuvā* < **leituvā*. Последнее близкородственно лит. *lietūvas, liētūvas* ‘форма для отливки’, *žvakės liėti* ‘отливать свечи’ [LKŽ, вып. 7, с. 448]. К родственным формам относится также рус. диал. *лэйка* ‘примитивная форма для литья свечей’, ‘жировая плочка’⁴ < праслав. **lějka* [ЭССЯ, вып. 14, с. 190].

Трудности выделения ранних балтизмов в славянских языках обусловили положение, когда, согласно Ю. В. Откупшикову [2001, с. 323], безусловными балтизмами признаются лишь принадлежащие к периодам (В) и (Г). Словари Ю. Лаучюте [1982] и автора этих строк [Аникин, 2005] сосредоточены по преимуществу именно на фактах этого рода. Примерами правдоподобных ранних балтизмов в русском языке могут служить лексемы: *дѣготь, клеть* ‘неотапливаемое помещение для хранения имущества’, диал. *перть* ‘жилая изба; баня’ (А); *дерѣвня*, диал. *áлес* ‘мокрое, топкое место’, *му́ма* ‘страшило’, ‘вошь’, *пúсма* ‘пук, связка’ (Б).

В славянской этимологии широко используется понятие праславянского диалектизма. Теоретически многие русские (восточнославянские) слова, трактуемые как диалектизмы праславянского, могут быть определены и как балтизмы эпохи (Б).

Славянская этимология, включая фундаментальные этимологические словари праславянского языка (ЭССЯ и SP), допускает существование балтизмов эпох (А) и (Б) весьма неохотно. Практически доминирует мнение, что балтийские элементы в праславянском вообще невозможно выделить. Но даже следуя этой осторожной традиции, рус. *дѣготь* можно определить как вполне вероятный балтизм. Это слово, нередко толкуемое как прасевернославянский диалектизм **degььь*, скорее всего происходит от балтийского существительного **deguti-* < балт. **deg-* ‘гореть’ [Būga, t. 2, с. 164–165]. Несмотря на попытки найти в славянском следы этого корня (давшего слав. *žeg-*, ср. рус. *жечь* и др.) с начальным **d-*, на вопрос о сохранении **deg-* в славянском следует ответить в целом отрицательно. Согласно Кипарскому [1973, с. 68], ожидалось бы слав. **жѣготь*, а не *дѣготь*.

Редкий пример отклонения от общей тенденции неприятия ранних балтизмов периода (Б) в славянской этимологии дает рус. *дерѣвня*. В SP реконструируется восточнославянский диалектизм праславянского – **dъrvъn’a* ‘раскорчеванный участок, пашня’ (значение ‘деревня, селение’ вторично) с генетическими параллелями в лит. *dirvinis, dirvinis* м. (*dirvinė, dirvinė* ж.) ‘пашенный’, ‘пригодный для вспашки поля’ [SP, t. 5, с. 226–227], лит. *dirvā* ‘пашня, возделываемая, «раздираемая» земля’, лтш. *dirva* ‘нива’, лит. *dirti* ‘драть’. Но в ЭССЯ реконструкция **dъrvъn’a* отсутствует, что сделано намеренно, как следствие этимологического решения О. Н. Трубочева и В.-П. Шмида, которые квалифицировали рус. *деревня* как субстратный элемент балтийского происхождения в русском языке (балт. **dirvinē*), возможно, голядского происхождения.

³ Уместно напомнить и о мифопоэтическом восприятии Литвы у русских (о чем много писал акад. В. Н. Топоров). Оно отразилось, между прочим, в драме А. Н. Островского «Гроза»: *Что ж это такое, Литва? <...> А говорят, братец ты мой, что она на нас с неба упала <...> Все знают, что с неба: и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.*

⁴ Стоит отметить русизмы в языках Сибири: якут. диал. *iliäjkä*, эвен. *н’эжкэ* ‘светильник, жирник’, юкаг. *лээйкэ* ‘свеча’ и т. п. [Аникин, 2003, с. 336].

Если слово *деревня* может быть отнесено к периоду (Б), то рус. диал. *дирвѧн*, *дирвѧн* ‘залежь, целина’, блр. *дзірвѧн* ‘дерн’, заимствованное из лит. *dirvonas*, *dirvonas* ‘залежь, целина’, лтш. *dirvāns* ‘вновь поднятое поле, бывшее под паром’ (< балт. **dir-v-*, к лит. *dirti* ‘драть’) может быть отнесено к эпохе (В). Есть и другие примеры полихронии заимствований. Рус. *вѧтерь* ‘вид рыболовной ловушки’ с отражением носовой гласной относится к периоду (Б)⁵, но *вѧтерь* с тем же значением – к периоду (В), ср. лит. *vēteris* ‘то же’.

Выявление всех потенциальных русских и иных славянских слов, относящихся к периодам (А) и (Б), далеко не завершено. Говоря о балтизмах в русском языке, обычно имеют в виду балтизмы периода (В). Что касается балтизмов периода (Г), а именно балтийских элементов, известных преимущественно в диалектах русских старообрядцев Литвы и Латвии, то они за редким исключением не представляют большого интереса, будучи поздними заимствованиями вроде *алектрѧня* ‘электрическая станция’ из лит. *elektrinė*. Лишь косвенное отношение к проблематике балтизмов имеют севернорусские финнизмы балтийского происхождения наподобие рус. сев. *зірвас* ‘северный олень’ < фин. *hirvas* < балт. *širvas.

Исключая поздние балтизмы в русских говорах Литвы, а также этнонимы, антропонимы и опосредованные (через п.-фин.), можно назвать около 70 надежных балтизмов русского языка. Менее строгий подход, с включением ряда этимологически небесспорных случаев, позволяет дать цифру около 150. Для сравнения: число балтизмов в белорусском – около 500 (не считая калек, описанных В. Н. Чекманом [1972]), в польском – около 400, в украинском – 60, хотя это весьма приблизительные подсчеты. Не следует забывать о потенциально многочисленных «невидимых» балтизмах русского языка и всей северно-славянской области (включая слова, имеющие южно-славянские параллели), которые не участвуют в данных подсчетах.

География балтизмов в русском языке довольно единообразна. Около 50 приходятся на смоленские, брянские и псковские и смежные говоры. В смоленско-смоленско-брянских (частично и псковских) говорах представлена своего рода филиация белорусских балтизмов, которые справедливо рассматриваются как центр (ядро) иррадиации балтийских элементов в славянских языках. Не следует забывать, что смоленские и брянские говоры – промежуточные между русскими белорусскими и иногда рассматриваются как белорусские.

На примере белорусских балтизмов *аруд* ‘закром’ и *сцїрта* ‘скирда’ (= рус. диал. *аруд*, *скїрда*) А. П. Непокупный [1976, с. 180] развивал тезис об особой роли балтийских диалектов восточно-аукштайтского типа в развитии лексики белорусского и смежных славянских языков. Тезис, безусловно, актуальный и в отношении смоленских и брянских говоров. Вместе с тем балтизмы псковских и новгородских говоров могут обнаруживать латгальские черты: *дѧса* ‘колбаса’ из лтг. *dasa* (при лтш. *desa*), *чанўра* ‘шапка’ из лтг. *capure* (лтш. *cepure*).

Есть несколько балтизмов, которые встречаются только в русских говорах (но не в белорусских, украинских и польских): упомянутые *дѧса* и *чанўра*, а также *жуберѧ* ‘приспособление из жердей для просушивания сена’, *каўля* ‘рука’, *кїрстук* ‘крючок у фельдшеров для пускания крови’, *кувїклы* ‘народный духовой инструмент, разновидность флейты’, *пўсма* ‘пук, кипа’, *трўска* ‘соль’.

Попытку В. Н. Топорова выявить значительный пласт голядских лексических элементов в русских говорах Подмосковья приходится расценить как неудачную, хотя некоторые из «голядских» этимологий были поддержаны в литературе [Zinkevičius, 1984, с. 250; Дини, 2002, с. 246]. Вместе с тем существование лексических «голядизмов» в русской лексике в принципе не исключено, как видно по примеру со словом *деревня* (см. выше).

⁵ Ср.: др.-венг. *veter* ‘то же’ < вост.-слав. (согласно [Рот, 1973, с. 226]).

Около 20 слов имеют широкое распространение в диалектах русского языка, примыкая к упомянутым выше единичным балтизмам литературного языка. Следует уточнить, что широкая диалектная география таких балтийских элементов, как *вѣтерь* / *вѣнтерь* 'вид рыболовной снасти', *жлѹк(та)* 'кадка для стирки белья', *кљуня* 'рига, помещение для молотыбы и хранения хлеба', *кѹрпы* 'вид лаптей', *мѹрза* 'грязный, чумазый человек', *рѣзвины* 'заплечные крошни для переноски сена и проч.', *скирд* 'кладь сена или хлеба' и т. д., может быть обусловлена и диффузией из основной зоны иррадиации балтизмов, т. е. из белорусского ареала, и происхождением из вымерших балтийских языков. На последнем особенно настаивал В. Н. Топоров [1995, с. 47]. Но иррадиация представляется все-таки более влиятельным фактором. Косвенным аргументом в ее пользу является значительное количество полонизмов (до сих пор не выявленных в полном объеме) в русском языке, распространявшихся в нем примерно тем же путем, что и балтизмы.

В большинстве известных случаев лексические балтизмы русского языка представлены также в других славянских диалектах и могли достичь русского ареала через белорусское посредство благодаря диффузии через межславянские диалектные границы. Балтийский субстрат в русском языке надежнее устанавливается по гидронимии балтийского происхождения, что убедительно подтверждено В. Л. Васильевым [2008, с. 86]. Подобная ситуация имеет место в тех случаях, когда процесс этнической ассимиляции завершился давно, и с течением времени утрачена большая часть субстратных черт. Так обстояло дело с фракийским субстратом в болгарском.

Однако нельзя исключить, что подобные выводы будут в той или иной степени пересмотрены. В любом случае есть немало неясного в русской этимологии, и новые балтийские элементы, несомненно, еще будут выявлены.

Список литературы

- Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Аникин А. Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.
- Васильев В. Л.* Названия на -га в обратном словаре гидронимии Русского Северо-Запада // Вопросы ономастики. 2011. № 10 (1).
- Васильев В. Л.* О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе // Вопросы языкознания. 2008. № 3.
- Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Дини П. У.* Балтийские языки. М., 2002.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Кипарский В.* О балтизмах русского литературного языка // Baltistica. 1973. № 9 (1).
- Князев С. В.* К вопросу о возникновении механизма аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
- Лаучюте Ю.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001.

- Pom A. M.* Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973.
- Топоров В. Н.* О балто-славянской диалектологии (несколько соображений) // *Dialectologia slavica: Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна.* М., 1995.
- Топоров В. Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1988.
- Чекман В. Н.* К проблеме литовско-белорусских лексических связей // *Baltistica.* 1972. № 8 (2).
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
- Anikin A.* On the Stratification of Baltic Lexical Elements in the Russian Language // *Langues Baltiques, Langues Slaves.* P., 2011.
- Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958–1962. Т. 1–3. Rodyklės.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002. Т. 1–20.
- Sabaliauskas A.* Mes baltai. Vilnius, 2002.
- SP – Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1974–2002. Т. 1–8.
- Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984. Т. 1.

A. E. Anikin

Problems of Research on Baltisms in the Russian Language

The paper is devoted to some problems of the stratification and analysis of Baltic loanwords in the Russian language, mainly on the basis of the early Baltisms. The substrate Baltic origin of such phenomena as akanye, pleophony, as well as a long preservation and a consecutive preservation of reduced vowels remains unproved. The exceptional closeness of the Slavic and Baltic languages makes it difficult to identify substrate Baltic elements in the East Slavic dialects on the lexical level. The oldest strata of the Baltic elements in the vocabulary of Slavic languages are extremely difficult to be determined because of the lack of formal criteria for distinguishing them from their genetic counterparts. Theoretically many Russian (East Slavic) words treated as eastern dialecticisms of the Proto-Slavic language may also be determined as old Baltisms. The work at these problems is illustrated in the paper by the examples of Russian words, related both to the literary language and dialect vocabulary, as well as to the old Russian vocabulary.

Keywords: Russian language, Baltic languages, loanwords, stratification.